

Поле боя не альтернатива дипломатии в Украине

Евгений Прейгерман

Последние события в российско-украинской войне показывают, что Киеву вряд ли удастся одержать военную победу. На Западе начинает расти спрос на дипломатическое решение, однако Россия сейчас кажется менее заинтересованной в этом. Чтобы найти ключ к серьезным переговорам, странам Запада следует послать Москве о том, что стратегическое поражение России не является их главной целью.

В апреле 2022 года, еще на ранней стадии российско-украинской войны, Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель опубликовал известный [твит](#) о том, что «война будет выиграна на поле боя». По логике Борреля, единственным способом положить конец конфликту было обеспечить военную победу Украины, которая бы позволила вытеснить российские войска с ее суверенной территории и, таким образом, навязала бы Москве долгосрочный мир.

Переговоры и эйфория от успехов на поле боя

Эта позиция отражала и видение ситуации Киевом после того, как он отказался от первоначальных переговоров с Россией. В феврале-марте 2022 года состоялись три раунда переговоров в Беларуси и [четвертый](#) раунд в Стамбуле, где украинская делегация представила список принципов для будущего мирного договора – [Стамбульское коммюнике](#). Документ содержал положения о нейтралитете Украины и набор

многосторонних обязательств, чтобы обеспечить его соблюдение. В соответствии с логикой Стамбульского коммюнике российская и украинская делегации [обсуждали](#) проект мирного соглашения. Однако, как только Запад начал крупномасштабные поставки вооружений, а несколько недель спустя мировые заголовки наполнились кадрами из Бучи, для Украины все ставки переместились на поле боя.

Впечатляющие контрнаступательные операции Киева в конце лета и осенью 2022 года, которые вынудили Россию покинуть значительные территории в Запорожской и Херсонской областях, привели в эйфорию сторонников «победы только на поле боя». Они уверенно выдвигали аргумент, что продолжительная поддержка Запада обеспечит быструю и полную победу Украины, включая освобождение Крыма.

Тем не менее, даже в условиях всеобщей эйфории некоторые осведомленные люди на Западе призывали к дипломатическим, а не только военным решениям. Наиболее заметным из них был генерал Марк Милли, в то время председатель Объединенного комитета начальников штабов США. В ноябре 2022 года он [сравнил](#) ситуацию в Украине с ранними месяцами Первой мировой войны, заключив: «У вас есть война, которая больше не может быть выиграна военным путем». Милли предложил начать переговоры и предостерег от повторения серьезных ошибок, допущенных европейскими лидерами в 1914-1915 годах, когда, несмотря на фактический тупик на поле боя, они решили добиваться полной победы. В итоге это привело к гибели 20 миллионов человек.

Когда в июне 2023 года началось долгожданное контрнаступление Украины, быстро стало понятно, что прав был генерал Милли, а не Боррель (последний теперь признает, что победа Киева [«не является сиюминутной»](#) и что он [«не видит света](#) в конце украинского тоннеля», но по-прежнему ничего не говорит о реальной дипломатии). Трудно найти лучшее доказательство, чем интервью, которое главнокомандующий ВСУ генерал Валерий Залужный дал изданию [The Economist](#) в начале ноября 2023 года. Он почти дословно повторил то, что Милли говорил годом ранее: «Как и в Первой мировой войне, мы достигли уровня технологий, который ставит нас в тупик».

В отличие от Милли, Залужный не выступает открыто за переговоры. Однако если поместить его аргумент в более широкий международный контекст, то становится ясно, что переговоры являются единственной альтернативой тупику. «Новые, инновационные подходы», которых, по его словам, требует военная победа Украины, представляются просто недостижимыми в обозримом будущем. По словам Залужного, Киеву необходимы господство в воздухе, значительно улучшенные возможности радиоэлектронной и контрбатарейной борьбы, технологии прорыва минных полей, возможность мобилизации и подготовки большего резерва, а также более совершенные системы

управления и контроля. Чтобы даже частично удовлетворить эти потребности, Запад должен, как минимум, многократно увеличить свою финансовую и военно-техническую помощь.

Сверка с реальностью

Последнее представляется более сложной задачей, чем просто выделение краткосрочного финансирования. Только масштабные многолетние инвестиции могут гарантировать, что Запад будет иметь достаточно производственных мощностей для удовлетворения потребностей Украины и своих собственных нужд в вооружениях.

При этом даже сохранение западной военной поддержки [на уровне 2023 года](#) выглядит сложной задачей на текущий год, не говоря уже о ее увеличении. «Победа на поле боя» становится все менее популярной идеей в большинстве западных обществ. Особенно в условиях, когда война между Израилем и ХАМАС отвлекает основное международное внимание от Украины, а растущие внутренние социально-экономические проблемы в Европе и Северной Америке влияют на предпочтения избирателей.

Помимо серьезно ограниченных возможностей западного военно-промышленного комплекса, которые были очевидны уже в прошлом году, помощь Украине становится жертвой партийных раздоров в Конгрессе США. Демократы и республиканцы на Капитолийском холме никак не могут найти взаимопонимания по поводу запрошенного администрацией Байдена в октябре 2023 года [пакета](#) военной и экономической помощи Украине в размере 61,4 млрд долл. Их переговоры пока не дали результата после того, как второй [временный бюджет](#), принятый 14 ноября для продолжения финансирования правительства, исключил средства для Киева.

Американские законодатели, вполне вероятно, все же найдут какой-то компромисс, однако президентская кампания в США проходит на фоне [угасающего](#) общественного [энтузиазма](#) в отношении поддержки Украины «столько, сколько потребуется». И это не предвещает ничего хорошего для стратегии, основанной исключительно на боевых действиях. Не говоря уже о том, что в случае возвращения Дональда Трампа в Белый дом политика Вашингтона в отношении Украины может принять непредсказуемый оборот.

Надежды на то, что Европа сможет заменить США в качестве основного поставщика военной помощи, пока выглядят скорее фантазиями. Неспособность выполнить собственное [обязательство](#) поставить Киеву миллион артиллерийских снарядов к марту 2024 года хорошо показывает разрыв между европейской риторикой и возможностями. Даже несмотря на то, что Германия решила [удвоить](#) военную помощь и некоторые другие

европейские правительства изучают варианты последовать ее примеру, ряд крупных государств-членов ЕС [предпочитают](#) ограничивать свою помощь Киеву громкими заявлениями и полными энтузиазма постами в социальных сетях. Еще более показательно, что многолетние планы ЕС по поддержке [Вооруженных сил Украины](#) и ее [правительственных расходов](#) сталкиваются с внутренним сопротивлением.

Более того, недавние национальные выборы в Словакии и Нидерландах, а также региональные выборы в [Германии](#) показывают, что во многих уголках Европы политические партии, скептически относящиеся к продолжению военной помощи Украине, уже сложно просто списывать как маргинальные. В целом большинство европейцев по-прежнему [поддерживают](#) помощь Украине, но считают военную помощь наименее предпочтительной формой поддержки. И чем дольше длится война, тем сильнее «усталость от Украины» будет влиять на результаты выборов по всему ЕС.

Реалистична ли дипломатия?

Эти события, в дополнение к растущим проблемам нехватки [человеческого ресурса](#) и [эрозии единства](#) в Украине, указывают на высокую вероятность того, что в 2024 году боевой потенциал Киева будет снижаться. Только горизонтальная эскалация войны, которая будет равносильна прямому конфликту между НАТО и Россией, может изменить эту тенденцию. Но именно этого Запад стремится избежать в первую очередь. Следовательно, единственный другой вариант предотвратить затяжную позиционную войну, которая, как предупреждает Залужный, будет выгодна России, – это начать искать дипломатическое решение.

Несмотря на то, что публичные выступления в пользу мирных переговоров с Россией по-прежнему остаются токсичными как на Западе, так и в Украине, все больше западных голосов осторожно предлагают пересмотреть [траекторию войны](#) и возродить [дипломатическую опцию](#). Учитывая суровые реалии на поле боя и более широкий контекст войны, который не выглядит благоприятным для Украины, количество таких призывов, вероятно, будет только расти. Однако здесь возникает еще одна проблема.

Хотя Москва, похоже, была готова вести переговоры в первые месяцы войны, сейчас ее настроения изменились, особенно учитывая растущие проблемы Киева. Москва намерена ждать до тех пор, пока как минимум не увидит результаты президентских выборов 2024 года в США. В частных беседах российские чиновники и эксперты повторяют один и тот же тезис: «сейчас время воевать, а не разговаривать».

Некоторые аналитики [приходят к выводу](#), что эта ситуация представляет собой еще один тупик – дипломатический, который делает идею о переговорах нерелевантной. Однако другой аргумент, который я часто слышу в Москве, указывает на потенциальную «точку входа» в переговорные рамки. Его следует изучать по мере того, как западные надежды в отношении Украины смещаются в сторону от «победы только на поле боя». Аргумент звучит так: «Пока конечной целью Запада является стратегическое поражение России, Москве не о чем разговаривать с западными представителями».

Многие на Западе быстро отвергнут этот аргумент как нонсенс, утверждая, что единственная цель Запада – помочь Киеву восстановить территориальную целостность и противостоять агрессии в соответствии с основными положениями международного права. Однако Москва видит ситуацию иначе.

Для Кремля согласованные усилия Запада по военной поддержке Украины и удушению России санкциями представляют собой не что иное, как преднамеренную политику стратегического ослабления России до такой степени, когда она будет полностью подорвана как геополитический актор. Более того, именно об этом [заявил](#) министр обороны США Ллойд Остин в апреле 2022 года. С тех пор из Вашингтона не поступало никаких сигналов, которые могли бы разъяснить Москве, что заявление Остина имеет какие-либо оговорки.

Таким образом, вместо неизменной ставки на «победу только на поле боя», которая лишь ухудшит положение Украины, западным столицам следует начать доводить до сведения Москвы, что их цели в Украине имеют больше нюансов, чем просто стратегическое поражение России. И что они готовы продемонстрировать это, если начнутся серьезные переговоры о прекращении войны и о будущем европейской безопасности. Москва вряд ли примет это предложение моментально. Но если дипломатия выдвинется на первый план, то «оттенки серого» в отношении войны в самой России в конечном итоге сделают возможным дипломатическое решение конфликта.

Евгений Прейгерман

Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»